

Предисловие к автобиографии «Speak, Memory: An Autobiography Revisited» («Память, говори: возвращение к автобиографии»)

Настоящая книга является систематически соединенным скоплением личных воспоминаний, географически простирающихся от Санкт-Петербурга до Сант-Назара и охватывающих тридцать семь лет, с августа 1903 до мая 1940 г., с немногими вылазками в более поздние пространственно-временные точки. Эссе, положившее начало этому собранию, соответствует теперешней пятой главе. Я написал его по-французски под названием «Mademoiselle O» тридцать лет назад в Париже, где Жан Полан (Jean Paulhan) опубликовал его во втором номере «Mesures», 1936. Фотография (недавно напечатанная в книге Жизель Фройнд (Gisèle Freund) «Джеймс Джойс в Париже» стала памятником этому событию, хотя меня ошибочно обозначили (в группе сотрудников «Mesures», расположившихся вокруг каменного садового стола) как «Одиберти» (Audiberti).

В Америке, в той стране, куда я мигрировал 28 мая 1940 г., «Mademoiselle O» была переведена на английский покойной Хильдой Уорд (Hilda Ward), отредактирована мной и напечатана Эдвадом Уиксом (Edward Weeks) в номере «The Atlantic Monthly» за январь 1943 г. (это также был первый журнал, который напечатал рассказы, написанные мною в Америке). Мое сотрудничество с журналом «The New Yorker» началось (через Эдмунда Уилсона¹) в апреле 1942 г. с короткого стихотворения², за которым последовали другие беглые вещицы; но мое первое прозаическое сочинение появилось в нем только 3 января 1948 г.: это был «Портрет моего дяди» («Portrait of My Uncle», третья глава этой книги), написанный в июне 1947 в Колумбии

Лодж, Эстес Парк, штат Колорадо, где жена, сын и я сам не смогли бы пробыть так долго, если бы Гарольд Росс не поладил с этим призраком из моего прошлого³. Тот же журнал опубликовал четвертую главу «Мое английское образование» («My English Education») 27 марта 1948 г., шестую главу «Бабочки» («Butterflies») 12 июня 1948 г., седьмую, главу «Колетт» («Colette») 31 июля 1948 г. и девятую «Мое русское образование» («My Russian Education») 18 сентября 1948 г., написанные в Кембридже, штат Массачусетс, во время сильного душевного и физического стресса, а также десятую главу «Пьеса» («Curtain-Raiser») 1 января 1949 г., вторую главу «Портрет моей матери» («Portrait of My Mother») 9 апреля 1949 г., двенадцатую главу «Тамара» («Tamara») 10 декабря 1949 г., восьмую главу «Волшебный фонарь» («Lantern Slides») 11 февраля 1950 г.; вопрос Г. Р.: «В семействе Набоковых были только одни щипцы для орехов?»), первую главу «Совершенное прошлое» («Perfect Past») 15 апреля 1950 г. и пятнадцатую главу «Сады и парки» («Gardens and Parks») 17 июня 1950 г. — все они были написаны в Итаке, штат Нью-Йорк.

Из оставшихся трех глав одиннадцатая «Первое стихотворение» («First Poem») и четырнадцатая «Изгнание» («Exile») вышли в «Partisan Review» соответственно в сентябре 1949 г. и январе-феврале 1951 г., а глава тринадцатая «Жизнь на Тринити Лейн» («Lodgings in Trinity Lane») попала в «Harper's Magazine», январь 1951.

Английский вариант «Mademoiselle O» был перепечатан в сборниках «Nine Stories» («Девять рассказов», 1947) и «Nabokov's Dozen» («Набоковская дюжина») (Doubleday, 1958; Heinemann, 1959; Popular Library, 1959; Penguin Books, 1960). В последний сборник я также включил рассказ «First Love» («Первая любовь»), ставший любимчиком составителей антологий.

Хотя я сочинял эти главы в произвольном порядке, отразившемся в датах первых публикаций, указанных выше, они аккуратно заполняли пронумерованные пробелы в моем сознании, совпадавшие с настоящим порядком глав. Этот порядок был установлен в 1936 г. при закладке краеугольного камня, который уже содержал в своей потайной полости разнообразные карты, расписания, коллекцию спичечных коробков осколок рубинового стекла и даже — как я понимаю теперь — вид с моего балкона на Женевское озеро, на его рябь и светлые прогалины, сейчас, во время чая, испещренные черными точками лысух и вихрастых уток. Поэтому мне не составило труда со-

брать книгу, которую нью-йоркское издательство «Harper and Bros.» выпустило в 1951 г. под названием «Conclusive Evidence» («Убедительное доказательство»): убедительное доказательство того, что я существовал. К несчастью, это выражение намекало на детективный роман, и я собирался назвать британское издание «Speak, Mnemosyne» («Мнемозина, говори»), но мне сказали, что «маленькие старые леди не захотят спрашивать книгу, название которой не могут выговорить». Я также подумывал о «The Anthemion» («Антемион»), это название декоративного орнамента из жимолости, состоящего из сложных переплетений и разрастающихся гроздьев, но никому оно не понравилось. Поэтому мы в конце концов остановились на «Speak, Memory» («Память, говори») (Gollancz, 1951 и The Universal Library, Нью-Йорк, 1960). Вот ее переводы: русский, сделанный автором («Другие берега», Издательство имени Чехова, Нью-Йорк, 1954), французский, Ивонн Даве (Yvonne Davet) («Autres Rivages», Gallimard, 1961), итальянский, Бруно Одера (Bruno Oddera) («Parla, Ricordo», Mondadori, 1962), испанский, Хаима Пинеиро Гонзалеса (Jaime Pineiro Gonzales) («¡Habla, memoria!», 1963) и немецкий Дитера И. Циммера (Dieter E. Zimmer) (изд. Rowohlt, 1964). Этим исчерпывается необходимый объем библиографических сведений. Надеюсь, нервные критики, раздраженные подобным примечанием в конце сборника «Nabokov's Dozen»⁴, будут достаточно загибнотизированы, чтобы принять его в начале настоящей работы.

Во время написания в Америке первого варианта я был связан почти полным отсутствием сведений о семейной истории и, следовательно, невозможностью проверить свою память, когда мне казалось, что она подводит. Биография моего отца теперь расширена и исправлена. Сделаны другие многочисленные изменения и дополнения, особенно в первых главах. Я позволил раскрыться некоторым тесным скобкам, которые излили свое все еще живое содержимое. Бывало и так, что какой-то предмет, бывший просто заменой, выбранной наугад и не имевшей никакого фактического значения в описании важного события, все беспокоил меня каждый раз, что я перечитывал этот пассаж, держа корректуры разнообразных изданий, пока наконец я не делал большого усилия, и вид сквозь произвольные очки (в которых Мнемозина, должно быть, нуждается больше, чем кто-либо другой) превращался в ясное воспоминание о портсигаре в форме устричной раковины, мерцающем во влажной траве под осиной на Chemin du Pendu⁵, где я нашел в тот июнь-

ский день 1907 года бражника, редко встречающегося так далеко на западе, и где за четверть века до этого мой отец прихлопнул рампеткой бабочку «павлиний глаз», очень редкую в северных лесных пейзажах.

Летом 1953, на ранчо около Портала, штат Аризона, в доме, который я снимал в Ашланде, штат Орегон, и в различных мотелях на Западе и Среднем Западе, я умудрился, между ловлей бабочек и написанием «Лолиты» и «Пнина», перевести «Speak, Memory», с помощью жены, на русский. Из-за психологической трудности переигрывания темы, подробно разработанной в «Даре» («The Gift»), я опустил целиком одну главу (двенадцатую). С другой стороны, я исправил многие места и попытался сделать что-нибудь с амнезийными недостатками оригинала — пустотами, расплывшимися областями, туманными территориями. Я обнаружил, что иногда, посредством напряженной концентрации, неопределенную кляксу можно заставить войти в чудесный фокус, так что узнаешь внезапно представший пейзаж и вспоминаешь имя анонимного слуги. Для настоящего, последнего издания «Speak, Memory», я не только ввел важные изменения и обильные дополнения в исходный английский текст, но и использовал с пользой для себя те исправления, которые внес, когда переделывал его на русский. Это переанглизирование русской переделки того, что было английским пересказом главным образом русских воспоминаний оказалось дьявольским занятием, но некоторое утешение дала мне мысль о том, что такие многочисленные метаморфозы, свойственные бабочкам, не переживало еще ни одно человеческое существо.

Среди аномалий памяти, обладателю и жертве которой не следовало бы никогда пытаться стать автобиографом, худшая — это склонность приравнивать в ретроспекции свой возраст к возрасту века. Это привело к ряду замечательно стойко повторявшихся хронологических промахов в первом варианте этой книги. Я родился в апреле 1899, и, естественно, в течение первой трети, например, 1903-го, мне было около трех лет; но в августе того года открывшееся мне отчетливое «3» (как это описано в главе «Совершенное прошлое») должно относиться к возрасту века, а не к моему, который тогда равнялся «4» и был таким же прямоугольным и упругим, как резиновая подушка. Подобным же образом, в начале лета 1906 — того лета, когда я начал собирать бабочек, — мне было семь, а не шесть, как первоначально сказано в катастрофическом втором абзаце главы 6.

Приходится признать, что Мнемозина показала себя очень небрежной девчонкой.

Все даты даны по новому стилю: мы отстали от остального цивилизованного мира на двенадцать дней в девятнадцатом веке, и на тринадцать в начале двадцатого. По старому стилю я родился 10 апреля, на рассвете, в последний год последнего века, и это было (если бы меня можно было мгновенно перекинуть через границу) 22 апреля, например в Германии; но так как мои дни рождения праздновались, со все уменьшающейся пышностью, в двадцатом веке, то все, включая меня самого, будучи переведены революцией и изгнанием с юлианского календаря на грегорианский, всегда прибавляли тринадцать, а не двенадцать дней к 10 апреля. Это серьезная ошибка. Что делать? В моем последнем паспорте в графе «дата рождения» стоит «23 апреля», а это также день рождения Шекспира, моего племянника Владимира Сикорского, Ширли Темпл и Хэзел Браун (которая, более того, делит со мной паспорт)⁶. Вот в чем проблема. Неспособность к вычислениям мешает мне попытаться решить ее.

Приплыв обратно в Европу после двадцати лет отсутствия, я обновил связи, разорванные еще до того, как я оттуда уехал. На этих семейных воссоединениях обсуждалась «Speak, Memory». Проверялись подробности дат и обстоятельств, и было обнаружено, что во многих случаях я совершал ошибки или недостаточно глубоко исследовал некоторые туманные, но достигаемые воспоминания. Некоторые темы были отклонены моими советчиками как легенды или слухи, или, если оказывались подлинными, то было доказано, что они относились не к тем событиям или временам, к которым их присоединила моя хрупкая память. Кузен Сергей Сергеевич Набоков дал мне бесценные сведения по истории нашей семьи. Обе мои сестры гневно восстали против моего описания путешествия в Биарриц (начало седьмой главы) и, засыпав меня точными подробностями, убедили, что я был не прав, оставив их дома («под надзором нянь и теток»!). То, что я все же не смог переработать за недостатком нужных документов, я предпочел удалить ради общей правдивости. С другой стороны, несколько фактов, относящихся к предкам и другим персонажам, вышли на свет и были включены в этот последний вариант «Speak, Memory». Я надеюсь как-нибудь написать «Speak on, Memory» («Говори дальше, память»), охватив 1940—1960 годы, проведенные в Америке: в моих змеевиках и тиглях все еще идет выпари-

вание кое-каких летучих веществ и плавка кое-каких металлов.

Читатель может найти в этой книге разбросанные упоминания моих романов, но в общем я чувствовал, что достаточно помучился, когда писал их, и что они должны остаться в первом желудке. Мои недавние предисловия к английским переводам романов «Защита Лужина», 1930 («The Defense», Putnam, 1964), «Отчаянье», 1936 («Despair», Putnam, 1966), «Приглашение на казнь», 1938 («Invitation to a Beheading», Putnam, 1959), «Дар», 1952, выходявший по частям в 1937—1938 («The Gift», Putnam, 1963), и «Соглядатай», 1938 («The Eye», Phaedra, 1965) дают достаточно подробный и свежий отчет о творческой составляющей моего европейского прошлого. Для тех, кому понадобится более полный список моих публикаций, есть подробная библиография, составленная Дитером И. Циммером («Vladimir Nabokov Bibliographie des Gesamtwerks», Rowohlt, 1 изд. декабрь 1963; второе исправленное изд. май 1964).

Двухходовка, описанная в последней главе, была потом опубликована в «Chess Problems» («Шахматные задачи») в издательстве Lipton, Matthews & Rice (Faber, Лондон, 1963. Р. 252). Мое самое забавное изобретение, впрочем, это задача «белые — берут ход назад», посвященная Е. А. Зноско-Боровскому, который опубликовал ее в тридцатых годах (1934?) в эмигрантской ежедневной газете «Последние новости», Париж⁷. Я недостаточно ясно помню позицию, чтобы записать ее здесь, но, возможно, какой-нибудь любитель «сказочных шахмат» (к которым принадлежит моя задача) найдет ее однажды в одной из тех благословенных библиотек, где микрофильмируются все старые газеты, что следовало бы сделать со всеми нашими воспоминаниями. Критики читали первый вариант более небрежно, чем будут читать это новое издание: только один заметил мою «злобную нападку» на Фрейда в первом абзаце восьмой главы, часть 2, и ни один не нашел имени великого карикатуриста и дани уважения ему в последнем предложении части 2, глава одиннадцатая. Писателю в высшей степени стыдно самому указывать на такие вещи.

Чтобы не сделать больно живым и не побеспокоить мертвых, некоторые собственные имена были изменены. Они выделены кавычками в указателе. Его основная цель — перечислить для собственного удобства некоторых людей и темы, связанные моими прошедшими годами. Его присутствие досадит вульгарным, но может порадовать проницательных, хотя бы потому, что:

Сквозь окно этого указателя
Вьется роза
И иногда нежный ветер ех
Ponto дует⁸.

5 января 1966, Монтрё

Перевод с английского
Марии Маликовой

